

Сценарий постановки «9 МАЯ»

Сцена 1

На сцену выходят 5 учащихся.

1 девочка: *(держит книгу)* И отсюда тоже можно взять фотографию для нашей газеты! А вот это, кстати, мои бабушка и дедушка!

2 девочка: Какие красивые и молодые.... Это они еще не женаты?

1 девочка: Ну ты что... Они не только женаты, у них еще и дети есть... Это она на фронте...

1 мальчик: *(держит другую книгу)* Ребята, смотрите что я нашел для нашего стенда! *Читает:* Немецкий фельдмаршал Манштейн «Утерянные победы».

(Читает в книге) 18 мая сражение на Керченском полуострове было закончено! По имеющимся данным, мы захватили около 170 000 пленных, 1133 орудия и 258 танков... Наши войска... сделали невероятное...

(постепенно ужасаясь) Победоносно была закончена настоящая битва на полное уничтожение Крыма... А вся эта операция называлась «Охота на дроф»...

2 мальчик: А кто такие «дрофы»?

3 мальчик: Да это птица такая! У нас в зоопарке есть!

1 мальчик: А у меня в Крыму была куча родственников!

1 девочка: И у меня!!!

1 мальчик: Охота на «дроф»...

Задумались все. Молчание.

3 мальчик: *(раздраженно)* Ребята, да что вы в самом деле развели тут?! Да если что – мы всех врагов «КИЯ»! *(поза карате)* Да напишем мы что-нибудь в эту газету! Каждый же год пишем!!! И потом: КОМУ ВСЁ ЭТО НАДО?!

(Громко проговаривая каждое слово) Все давно про все забыли! У нас уже давно мир и покой. И война та почти век назад закончилась!

Фоновая музыка

1 мальчик: Как закончилась? Черчилль во время войны писал в своих дневниках: «Продавайте оружие и немцам, и русским. И пусть они убивают друг друга как можно больше». Да и сейчас свесь мир сплошной полигон. В новостях только и слышно, как по всему миру оружием торгуют.

Фоновая музыка

2 девочка: Говорят, что война заканчивается, когда похоронен последний солдат. А на полях до сих пор еще находят солдатские кости и черепа...

2 мальчик:

Есть молчание – ложь...

Ложь – полей тишина,

И разодраны рты

В поднимающем зове.

Ямы – рвы. Ямы – рты.

Ямы – взрывы... Война!

И закаты в тиши

Покрасневшей от крови!

Резко выключается свет.

Голос Левитана

Сцена 2

На сцену быстро входит Мама. В одной руке у нее маленькая рубашка.

Садиться на ступеньку лестницы, на которой лежит детский чемоданчик.

Мама: (громко)Таня! Таня!! Ты не видела рубашку Шурика? Белую... мы с папой на Первомайские праздники покупали...(копается в чемодане)

Выходит Таня

Таня: (берет рубашку с колен матери) Мама, вот Шуркина рубашка. Ну что же ты?

Мама: Действительно (утыкается лицом в рубашку).

Таня: Мама, не плачь. Он ведь не один едет - весь садик в Волхов эвакуируют! Вот скоро война закончится, и мы с тобой поедem и заберем Шурку!

Мама: Таня, Танюша! Как же ты не понимаешь - фашисты уже у Ладожского озера, они уже бомбят Ленинград! Война, дочка, скоро не закончится - наши войска пока отступают.

Таня: Ну вот! А в эвакуации безопасно! Шурик и так плачет постоянно - боится взрывов снарядов. Мама, ты подумай!

Мама: *(решительно бросает рубашку в чемодан, закрывает его)* Я уже подумала, Таня! Мы останемся в Ленинграде все вместе - ты, я и Шурка. Кончится же однажды война, вернется папа...

Таня: И будем мы опять жить одной дружной семьей!

Таня уходит за кулисы с чемоданом. Мама выходит на авансцену

Д.Шостакович «Симфония №7»

Мама: На следующий день, рано утром, я поехала в порт одна, чтобы предупредить воспитателей, что Шура не едет в эвакуацию. На пристани собралось много народа-мамы, бабушки: слезы, последние наставления... В этой толпе я с трудом отыскала Валентину Сергеевну. «Многие родители детей не привели, не захотели расставаться!» - на прощание сказала мне воспитательница... И все на пристани долго махали вслед уплывающей барже, вслед уплывающим белым панамкам детей.

На сцене малыши в белых панамках. Поют песню «Белые панамки».

Сцена 3

Голос за сценой. Шел май сорок второго года... Война по-своему распоряжается человеческими жизнями, и судьбы людей переплетаются причудливо и непонятно. Старшина Васков после ранения был назначен комендантом 171-го разъезда. Трижды в день он обходил объект и делал в тетради одну и ту же запись: объект осмотрен, нарушений нет. Спокойно служилось старшине Васкову до тех пор, пока для охраны объекта на разъезд

не прибыли зенитчицы – стайка шумных и задиристых девах, которые ночами азартно лупили из всех восьми стволов по пролетающим немецким самолетам, а днем разводили бесконечные постирушки... А зори здесь были тихими-тихими...

Звуки шума леса.

Рита (*вбегает*). Товарищ старшина! Товарищ старшина!

Васков. Чего тебе?

Рита. Немцы в лесу!

Васков. Так... Откуда известно?

Рита. Сама видела. Двое, с автоматами.

Васков. Объявляйте тревогу! Стройте людей!

Рита. Отряд! Стройсь!

Вбегают зенитчицы, на ходу поправляя форму, строятся в ряд.

Васков. Вольно! Командуйте, Осянина, кто пойдет.

Рита. Женя, Галя, Лиза....

Васков. Погодите, Осянина! Немцев идем ловить, а не рыбу! Так хоть чтоб стрелять умели...

Рита. Умеют.

Васков. Да, вот еще. Может немецкий кто знает?

Соня. Я знаю.

Васков. Кто я? Докладывать надо!

Соня. Боец Гурвич!

Васков. Как по-ихнему “руки вверх”?

Соня. Хенде хох!

Васков. Точно! Ну, давай, Гурвич. (*Обращаясь ко всем*) Идем на двое суток, взять сухой паек, патронов, подзаправиться, обуться по-человечески, в порядок себя привести. На всё – десять минут. Разойдись!

На авансцене старшина и Рита, он достает планшет с картой, рассматривают вместе.

Васков. Значит, на этой дороге встретила?

Рита. Вот тут. Прошли мимо меня по направлению к шоссе.

Васков. Черта им у шоссе делать? Там их живо прищучат. Тючки, говоришь, у них?

Рита. Да, вероятно тяжелые. Очень аккуратно упакованы.

Васков. Мыслю я, тол они несли. А, если так, то маршрут у них на Кировскую железную дорогу.

Рита. До нее не близко.

Васков. Зато лесами. А леса здесь погибельные. Армия спрятаться может, не то, что два человека. Строй отряд.

Рита. Отряд, стройсь!

Васков (*осматривая девчат*). Противника не бойтесь, он по нашим тылам идет, значит, сам боится. Ходите только по двое. Если дорога попадется, как надо действовать?

Женя. Знаем. Одна справа, другая слева.

Васков. Скрытно! Идем на Вось-озеро. Через болото. Ногу ставить след в след. Слегой топь...

Женя (*перебивая*). Можно вопрос?

Васков. Что вам, боец Комелькова?

Женя. А что такое “слегой”? Слегка, что ли?

Васков. Жердина такая длинная, топь щупать.

Женя. Теперь прояснилось, Даль.

Васков. Какая еще даль?

Женя. Словарь такой, товарищ старшина, вроде разговорника.

Рита. Женя, перестань.

Васков. Кто по-звериному или там, по-птичьему кричать умеет? В лесу сигналы голосом не подашь.

Соня. Я умею, по-ослиному, иа-иа.

Васков. Ослы здесь не водятся. Будем крякать учиться.

Учатся крякать, перебивая друг друга.

Васков. Смирно! Направо! Шагом марш!

Уходят. Снова раздаётся шум леса.

Звучит тревожная музыка. На пустую сцену выходит Лиза Бричкина.

Лиза. Первой погибла Лиза Бричкина. Болото... Последний кусок до сухой земли оставался. Огромный пузырь вспучился перед ней так неожиданно, что она рванула в сторону. Всего шаг в сторону, а ноги сразу потеряли опору. Тропа была где-то рядом – шаг, полшага от нее, но эти полшага уже было невозможно сделать. “Помогите! На помощь!..” Жуткий одинокий крик долго звенел над равнодушным ржавым болотом и взлетал к безоблачному майскому небу. Над деревьями медленно всплыло солнце, и Лиза в последний раз увидела его свет – теплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...

Лиза делает шаг в сторону, снимает пилотку, опускает голову. Выходит Соня Гурвич.

Соня. Ждали немцы Соню Гурвич или она случайно на них напоролась? Бежала без опаски по дважды пройденному пути, торопясь притащить ему, старшине Васкову, забытый на пеньке кисет, махорку ту, трижды проклятую. Бежала, радовалась и понять не успела, откуда свалилась на хрупкие плечи потная тяжесть, почему пронзительной, яркой болью рванулось вдруг сердце. Нет, успела. И понять успела, и крикнуть, потому что не достал нож до ее сердца с первого удара... Две узких дырочки виднелись на Сониной гимнастерке: одна в грудь, другая пониже – в сердце.

Соня делает шаг в сторону, встает рядом с Лизой, снимает пилотку и опускает голову. Выходит Галя Четвертак.

Галя. Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы. Васков успел, толкнул Галю Четвертак в кусты и шепнул: “Замри!” Сам за валун завалился, поймал ее взгляд – и словно оборвалось в нем что-то. Боится она. Плохому боится, изнутри. Перед глазами Гали всплыло мертвое лицо Сони. Она физически, до дурноты, чувствовала тяжелый запах крови, и это рождало у нее тупой, чугунный ужас. А-а-а! Она выскочила из кустов,

метнулась через поляну, наперерез диверсантам, уже ничего не видя и не соображая. Коротко ударил автомат. Последний крик ее затерялся в булькающем хрипе, а ноги еще бежали, еще бились, вонзаясь в мох носками солдатских сапог.

Также встает рядом с Лизой и Соней. Выходит Женя Комелькова.

Женя. Женька... Она всегда верила в себя... Она верила в себя и сейчас, уводя немцев от раненой Риты Осяниной. Ни на мгновение не сомневалась, что всё окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно умирать в девятнадцать лет. ...А немцы ранили ее вслепую, и она могла бы затаиться, переждать. Но она стреляла, пока были патроны. Стреляла лежа, уже не пытаясь убегать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились ее в упор, а потом долго смотрели на ее и после смерти красивое лицо.

Встает в ряд с девушками. Выходит Рита Осянина.

Рита. Рита знала, что ее рана смертельна и что умирать она будет долго и трудно. Пока боли почти не было, только всё сильнее пекло в животе, и хотелось пить. Васков, уйдя в разведку, оставил ей наган, два патрона в нём, но всё-таки спокойнее с ним. Он скорее почувствовал, чем расслышал этот слабый выстрел. Рита выстрелила в висок, и крови почти не было. Синие порошинки густо окаймили пулевое отверстие, и Васков почему-то особенно долго смотрел на них.

Подходит к остальным. Последним на авансцену выходит старшина Васков.

Васков. Покачиваясь и оступаясь, Васков шел к избе, он знал, что там немцы. Сил уже не было. Он рванул дверь и крикнул: “Хенде хох! Лягайт!”. Нет, не крика они испугались, не гранаты, которой размахивал старшина. Просто подумать не могли, в мыслях представить даже, что один он, на много верст один. Не вмещалось это в их фашистские мозги, и потому на пол легли, мордами вниз, и повязали друг друга ремнями. “Что, взяли? Взяли, да? Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро! А не прошли вы, никуда

не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете! Лично, каждого убью! А там пусть судят меня, пусть судят...” Тот последний путь он уже никогда не мог вспомнить. Колыхались впереди немецкие спины, сознание уходило от него, и чудились ему в белесом мареве его девчата, все пятеро, а он всё время шептал что-то и горестно качал головой.

Встает, склонив голову и сняв пилотку вместе с девчатами. Громко звучит музыка.

Сцена 4

Ночь. Палата. За ширмой тень раненого и склонённой над ним медсестры и врача. Музыка фоном.

Тяжелораненый: «Мама, где ты, где ты?» -

Медсестра 1: «Я здесь, сынок! Я рядом, милый!»

Тяжелораненый : «Ты здесь? Я рад, а где ж моя жена? Пускай придёт, на грудь положит руку».

Медсестра 1: Я здесь (кричит) я здесь – твоя жена!

У твоего родного изголовья.

Я здесь, жена твоя, сестра и мать.

Мы все с тобой, защитником отчизны.

Мы все пришли, чтобы тебя поднять,

Вернуть тебя Отечеству и жизни.

Медсестра Аня. Навстречу Ане поднимается раненый ёрник, она даёт ему пузырёк с лекарством, тот выпивает.

Раненый интеллигент: Чё это? Тьфу!

Медсестра 1: Плохо ему...

Раненый интеллигент: А Вы положите свою ладошку ему на лоб. Я-то, помню прикосновение этой ладони! Лучше всякой процедуры. Может, даже лучше всякого лекарства Ваша маленькая прохладная ладонь, Анечка.

Аня: Ах, как я устала, если бы вы знали! Такие дежурства иногда выпадают... такие!..

Раненый интеллигент: К Афоне нельзя?

Аня: Нельзя! Вам сказано!

Раненый интеллигент: А он живой?

Аня: Живой-живой! Господи! Что я вас обманывать стану?!

Аня (вздыхнула): Ну, я пойду, не хулиганите тут без меня? Вы у меня молодцы! Хуже будет - зовите. Свет совсем не тушите: во тьме раненые хуже себя чувствуют. Хотя что это я? Вы ведь всё знаете! *(вышла из палаты).*

Утро. Палата, раненые спят. Раненые шепотом разговаривают

Раненый интеллигент: В Карабановском госпитале.

Тяжелораненый: (стонет) Кто здесь?

Раненый интеллигент: Здесь я, лейтенант Борис Пугачев из под Москвы. Ранен в бою. На передовой обморозил руки и ноги. Ничего не чувствую. До войны в университете учился. А ты кто? И откуда?

Тяжелораненый: Я Старший лейтенант морской пехоты Евгений Новиков. Родом из Боровичей Новгородской области. Когда в атаку шли автоматной очередью ногу «прошило». Потерял сознание от боли. Началась газовая гангрена, с передовой сразу в тыловой госпиталь отправили – Дальше, все как во сне, ничего не помню. *(Смотрит на одеяло, стонет)* У-у, как без ноги? Я же спортсмен, на первенстве Союза 3-е место взял. Финскую прошел, два раза был ранен в руку, и в голову. Убегал из госпиталя, опять на фронт фашистов – гадов бить! А теперь что?

Философ: Старлей, браток, слышь не один ты такой. Нынче всем тяжело. Война! Я сам хотел свести счёты с жизнью, да маму жалко – одна осталась. Живы, будем - не помрем, будем учиться жить заново. Главное, что живой! У тебя только одной ноги нет, наденешь протез, и еще бегать будешь.

Почтальон: Письма!

Тяжелораненый: И мне пришло! Сын пишет! Слушайте все!

**«Здравствуй, папка! Ты опять мне снился!
Только в этот раз не на войне.
Я немножко даже удивился
— До чего ты прежний был во сне!
Прежний-прежний, ну такой же самый,
Точно не видались мы два дня.
Ты вбежал, поцеловался с мамой,
А потом поцеловал меня.
Папа! Ты вернёшься невредимый!
Ведь война когда-нибудь пройдёт?
Миленький, голубчик мой родимый,
Знаешь, вправду скоро Новый год!
Я тебя, конечно, поздравляю
И желаю вовсе не болеть,
Я тебе желаю-прежелаю
Поскорей фашистов одолеть!
Чтоб они наш край не разрушали,
Чтоб как прежде можно было жить,
Чтоб они мне больше не мешали
Обнимать тебя, тебя любить.
Чтоб над всем таким большущим миром
Днём и ночью был весёлый свет...
Поклонись бойцам и командирам,
Передай им от меня привет.
Пожелай им всякую удачу,
Пусть идут на немцев, как один... ..
Я пишу тебе и чуть не плачу,
Это так... от радости... Твой сын.» (ПЛАЧЕТ)**

Сцена 5

Голос ведущего (из-за кулис): 1944 год. Альпы. Из лагеря военнопленных совершен побег.

Иван проходит через сцену, хромя и вытирая лицо рукавом, все время озираясь.

Усаживается, откинувшись к скале. Появляется Джулия.

Джулия: Руссо!

Иван: Ты куда бежишь?

Джулия: Вас?

Иван: *(Раздраженно, с досадой).* Вас! Вас! Куда бежишь?

Джулия: Руссо бежишь - ихь бежишь.

Иван: Ты знаешь, куда я бегу? Русланд бегу. Поймают, будет мне пуф-пуф.

А тебе - это. (Чиркнул себя пальцем по шее и показал вверх).

Джулия *(взялась одной рукой за ствол дерева, другой вылила из колодок воду и устало вздохнула):* Руссо очень сердитый. Как это дойч? Безе?

Иван: Безе. Доведут, так будешь безе. *(Добавляет уже добрее).* А вообще — я гут. *(Нагибается, пытается вытащить из пятки занозу, но не может).*

Джулия: Гут? *(Усмехнувшись, приглаживает обеими руками волосы и, вытерев о штаны ладони, придвигается к нему.)* О, дай! *(Обхватила ступню, поковыряла там и, нагнув голову, зубами больно ущипнула подошву. Он дернул ногу, но она удержала, и когда выпрямилась, в ее зубах торчала маленькая заноза. Иван, подтянув ногу, взглянул на пятку, потер, попробовал наступить.)*

Иван *(сдержанно):* Ловкая, да.

Джулия: Ле-ф-ка-я — что есть лефкая?

Иван: Как тебе сказать? *(Потеребил пятерней затылок).* Ну, в общем, гут.

Джулия: Гут?

Иван: Я, гут.

Джулия *(руками обхватила и погладила плечи):* Д у гут, ихь гут. *(Смеется. Вспомнив что-то, зябко повела плечами. Задумчиво.)* Руссо, ты есть офицер?:

Иван: Никакой я не офицер. Пленный.

Джулия: Пленни, плени. Я понималъ. Кто до войны былъ?

Иван: Колхозник.

Джулия: Как имеется твое имя? Иван, да?

Иван: Иван.

Джулия: Иван! Джулия угадалъ! *(Хлопает в ладоши.)*

Иван: Нетрудно угадать!

Джулия: Все руссо - Иван? Правда?

Иван: Не все. Но есть. Много.

Джулия: Иван счастлив свой страна, да? Как твой деревня? Слушай *(испытывающе заглядывая ему в лицо)* тебя синьорина, девушка любиль?

Иван: Какая там девушка! Не до девчат было.

Джулия *(грозит пальцем):* Ой, неправдо, неправдо. Любиль синьорино. Какой место ты жиль? Москва? Киев?

Иван: Беларусь.

Джулия: Горы есть твой страна?

Иван: Нет. У нас больше леса. Пущи. Реки. Озера. Озера самые красивые. Моя деревня Терешки как раз возле двух озер. В тихий вечер взглянешь - не шелохнется. словно зеркало. И лес висит вниз вершинами. Ну как нарисованный. Только рыба плещется. *(Выпалил сразу слишком много и умолк. Задумался. Вздыхает. Пауза.)*

Джулия *(трясет его):* Говори еще, говори твой Беларусь! Ты счастливо, Иван. Твой большой фатерлянд такой колоссаль война побеждает. Это большой, большой счастье. Ты научишь меня говорить свой язык?

Иван: Белорусский?

Джулия: Я.

Иван: Обязательно.

Джулия *(поет):* Пэн нон софрире,

Пэн нон морире,

И ти пенсо,

Э ти амо...

(оборвала песню, повернулась к нему).

Джулия: Иван! Учит Джулию «Катуша»!

Иван: «Катюшу»!

Джулия: Си. «Катюшу». *(Поет)* Рас-цвет-аали явини и гуши

По-опили туани над экой.

(Пропела, откинув назад голову, садятся спиной друг к другу. Джулия срывает травинку, жуует ее).

Иван: Джулия!

Джулия: Иванио!

Иван: Ты не сердисься на меня?

Джулия: Нон, Иванио.

Иван: А если я оставлю тебя?

(Поворачивается к нему, берет за руку, гладит.)

Джулия: Иван нон оставить. Иван - руссо. Кароши. Мили руссо. Иванио, а где ми будем жить?

Иван: Что наперед загадывать?

Джулия: О, Джулия знат. Ми будем жит Белоруссио. *(Протягивает руку.)*

Дэрэвня Тэрэшки, близко-близко два озера. Правда?

Иван: Может быть. Что же. *(Своей пятерней взьерошил ей волосы, она уклонилаь, освободила голову и пригладила ее).*

Джулия: Джулия растет большой красивый волес. Большой волес красиво, да? *(Поправляет прическу.)*

Иван: Да, красиво.

Джулия: Ми будет много-много счастья. Я очень хочу счастья. Должен быть человек счастья, правда, Иванио?

Иван в ответ гладит ее по плечу, укрывает ее тужуркой. Она засыпает, он тоже, сидя и уткнувшись лицом в колени.

Медленно темнеет до полной темноты. Одновременно возникает и постепенно нарастает музыка. Потом музыка становится тише и одновременно светает.

Голос: *(обрывая музыку).* Руссо, руссо! Хальт! Сдавайся!

Иван вскочил, сорвал тужурку с ног Джулии. Она вскакивает и испуганно говорит о чем-то. Иван всматривается в ту сторону, откуда доносится крик. Джулия трясет его за плечи.

Джулия: Иванио! Ми будем жить? Скажи, будем?

Иван: Будем, конечно. Ты только не бойся. Пусть идут.

Быстро надел тужурку в рукава, достал пистолет.

Джулия *(испуганно):* Шиссен, стрелять будет?!

Иван: Стрелять далеко. Пусть стреляют, если патронов много.

Голос из-за кулис: Руссо! Марш, марш лагерь!

Джулия *(расхрабрившись, дразнит немцев, сжав кулаки):* Гитлер капут, Гитлер кретино. Ну, шиссен, шиссен, ну. Фашисти.

Бросается на колени, сложила на груди ладони, губы шепчут слова.

Иван: Ты что?! Быстрее! Уходим!

Джулия: Сайта Мария поможет!

Иван *(удивленно):* Брось ты, кто поможет!

Джулия: Иванио, ми будем жить? Жить, Иванио *(Берет Ивана за руки).* Я очень хотель жить. Браво, вита! Мы будем жить, Иванио. Ми убегаль.

Лай собак. Джулия бросается к Ивану, прижимается к нему, закрывая лицо руками.

Джулия: Нон собак, нон собак. Иванио, шиссен. Скоро шиссен.

Иван оторвал ее от себя, толкнул к обрыву. Она не сопротивляется, только всхлипывает. На обрыве он глянул в глубину ущелья, опустил пистолет и толкнул на самый край пропасти.

Иван: Прыгай!

Джулия испуганно отшатнулась.

Иван: Прыгай на снег!

Она всем телом качнулась назад, закрыла лицо руками. Иван подскочил к девушке, сунул

пистолет в зубы, схватил за воротник и штаны, ногами вперед бросил в пропасть. Подался на два шага от обрыва.

Выстрелы. Пауза.

Звучит мелодия «Аве Мария», медленно гаснет свет.

Сцена 6

Навстречу выходит мальчик. На нём форма гвардейской кавалерии: шинель, круглая барашковая шапка с красным верхом, погоны с маленькими стремянами, перекрещенными двумя клинками, шпоры На груди – медаль.

Мальчик – кавалерист: Чего распелся?

Ваня: Хочу – и пою.

Мальчик: Иди, откуда пришёл.

Ваня: Сам иди. Не твой лес.

Мальчик А вот и мой.

Ваня: Как?

Мальчик Так. Здесь наше подразделение стоит.

Ваня: Какое подразделение?

Мальчик: Такое. Тебя это не касается

Ваня: А ты кто такой?

Мальчик *(насмешливо):* Знаки отличия понимаешь?

Ваня: *(дерзко)* Понимаю!

Мальчик: Ну так вот. *(показывает на погон)* Ефрейтор гвардейской кавалерии. Понятно?

Ваня: *(С оскорбительной улыбкой)* Ну да, ефрейтор! Видали мы таких ефрейторов!

Мальчик: *(обидчиво)* А вот представь себе, ефрейтор! *(распахивает шинель, на гимнастёрке – медаль)* Видал?

Ваня: *(подавлен, но виду не подал, чуть не плача, но с кривой улыбкой)* Великое дело!

Мальчик: Великое – не великое, а медаль! За боевые заслуги. Ну, ступай, откуда пришёл, пока цел.

Ваня: Не больно модничай. А то получишь.

Мальчик: От кого?

Ваня: От меня.

Мальчик: От тебя? Молод, брат.

Ваня: Не моложе твоего.

Мальчик: А тебе сколько лет?

Ваня: Тебя не касается. А тебе?

Мальчик: 13.

Ваня: Ге!

Мальчик: Чего ге?

Ваня: Так какой же ты солдат?

Мальчик: Обыкновенный. Гвардейской кавалерии.

Ваня: Толкуй! Не положено!

Мальчик: Чего не положено?

Ваня: Больно молод.

Мальчик: Постарше тебя.

Ваня: Всё равно не положено. Таких не берут.

Мальчик: А вот меня взяли.

Ваня: Как же это тебя взяли?

Мальчик: А вот и взяли.

Ваня: А на довольствие зачислили?

Мальчик: А как же!

Ваня: Заливаешь...

Мальчик: Не имею такой привычки.

Ваня: Побожись.

Мальчик: Честное гвардейское.

Ваня: На все виды довольствия зачислили?

Мальчик: На все.

Ваня: И оружие дали?

Мальчик: А как же! Видал мою шашечку? Знатный, братец, клинок. Да это что! У меня ещё бурка есть. Я её только в бою одеваю!

Ваня: *(проглотив слюну, грустно)* А меня не взяли...Сперва взяли, а потом сказали – не положено. Я у них даже один раз в палатке спал. У разведчиков, у артиллерийских.

Мальчик: Стало быть, ты им не показался, раз они не захотели тебя принять за сына.

Ваня: За какого сына?

Мальчик: Известно, за какого. За сына полка. А без этого не положено.

Ваня: А ты – сын?

Мальчик: Я – сын. Я, братец, у наших казачков уже второй год за сына считаюсь. Они меня ещё под Смоленском приняли. Меня сам майор Вознесенский на свою фамилию записал, поскольку я круглый сирота. Так что я гвардии ефрейтор Вознесенский и служу при майоре Вознесенском связным. Он меня, братец мой, один раз даже вместе с собой в рейд взял. Там наши казачки ночью в тылу у фашистов большой шум сделали. Как ворвутся в одну деревню, где стоял их штаб! А они как выскочат на улицу в одних подштанниках! Мы их та две сотни набили!

Ваня: И ты рубил?

Мальчик: Я... *(смущённо)* Не, По правде, я не рубил. У меня тогда ещё и шашки не было. Я на тачанке ехал...*(спохватившись)* Ну и, стало быть, иди, откуда пришёл. Прощай, брат!

Ваня: *(уныло)* Прощай... *(побрёл дальше)* Стало быть, я им не показался... *(решительно)* А я вот что сделаю: доберусь до самого главного начальника и пожалуюсь ему на капитана Енакиева.

Выходит Енакиев

Енакиев: Соболев, готовь лошадь!

Ваня бросился к нему

Ваня: *(вытянув руки по швам, не мигая)* Разрешите обратиться!

Енакиев: Ну что ж, обратись.

Ваня: Дяденька, вы начальник?

Енакиев: Да. Командир. А что?

Ваня: А вы над кем командир?

Енакиев: Над батареей командир, над солдатами своими командир, над пушками своими.

Ваня: А над офицерами вы тоже командир?

Енакиев: Смотря над какими. Над своими командирами, например, тоже командир.

Ваня: А над капитанами?

Енакиев: Вот над капитанами не командир.

Ваня: *(разочарованно)* А я думал вы и над капитанами командир.

Енакиев: Для чего тебе это?

Ваня: Надо.

Енакиев: Ну а всё-таки?

Ваня: Если вы над капитанами не командир, то и толковать нечего. Мне надо, дяденька.

Енакиев: А что надо всем капитанам приказывать? Интересно.

Ваня: Всем капитанам не надо, одному только надо.

Енакиев: Кому же именно?

Ваня: Капитану Енакиеву.

Енакиев: Как, как ты сказал?

Ваня: Енакиев

Енакиев: Гм, что же это за капитан такой?

Ваня: Он, дяденька, над всеми разведчиками командует. Он у них самый старший. Что он им велит, то они и выполняют.

Енакиев: Над каким разведчиками?

Ваня: Известно над какими. Над артиллерийскими. Которые немецкие огневые точки засекают. Ух, дяденька, и сердитый у них капитан. Прямо беда.

Енакиев: А ты видел когда-нибудь этого сердитого капитана?

Ваня: То-то и беда, что не видел.

Енакиев: А он тебя?

Ваня: И он меня. Только приказал меня в тыл отвезти и коменданту сдать.

Енакиев: *(прищурился, с любопытством)* Постой, постой...Звать – то тебя как?

Ваня: Меня – то? Ваня.

Енакиев: Просто Ваня?

Ваня: Ваня Солнцев.

Енакиев: Пастушок?

Ваня: *(с изумлением)* Верно! Меня разведчики пастушком прозвали. А вы почём знаете?

Енакиев: Я, брат, всё знаю, что у капитана Енакиева на батарее делается.

Горбунов: И начались у Вани Солнцева фронтовые будни...

Биденко: Он действительно был прирождённым разведчиком.

Горбунов: Даже на задание с нами ходил. В плену побывал. Геройски держался. Выручили мы его.

Биденко: Ага, только после такого геройства капитан Енакиев его к себе забрал.

Егоров: *(подходит):* Это вы про пастушка вспомнили? Жаль, конечно, было мальчика отдавать, только Енакиев правильно поступил, что взял его. Рано, говорит, ему в разведку ходить. Но воинскому делу обучал. В орудийный расчёт определил.

Биденко: А мне ведь с нашим Ваней ещё раз встретиться довелось. С орудийцами он был, и сам был уже как бывалый солдат. Правда, разговаривать долго не пришлось – шёл бой, и каждая секунда была на вес золота.

Егоров: А я слышал, капитан Енакиев хотел лично воспитать мальчонку. Даже усыновить думал.

Лейтенант Седых *(подходит):* Только не успел капитан. Геройски погиб. Но поступил как настоящий отец. Зная упрямый характер Вани, он послал его с донесением в штаб. Тем самым сохранил Ване жизнь.

Биденко: А потом я отвёз его в Суворовское училище... Была осень, и журавли летели на юг. Ваня долго – долго смотрел на них, и в глазах его были слёзы...

Звучит проигрыш песни «Журавли». Выходят Енакиев, встаёт неподвижно.

Выходит Ваня – правнук Вани Солнцева. Одет современно.

Ваня: 65 лет прошло, как закончилась война. А в нашей семье о ней помнят. И как самую дорогую реликвию хранят погоны капитана Енакиева, которые полковник передал моему прадеду, сыну артиллерийского полка, а потом воспитаннику Суворовского училища Ване Солнцеву.

Мальчик, правнук ефрейтора Вознесенского (одет тоже современно):

А в нашей семье Вознесенских уже целая военная династия.. Я тоже мечтаю стать военным.

Выходит связной – часовой (в камуфляжной форме):

И я, ученик кадетского класса, обязательно поступлю в военное училище!

Уходят все, кроме Енакиева и Вани

Ваня: На всю жизнь я запомню слова, сказанные мне моим дедушкой: «Всегда и везде, прежде всего, ты должен быть верным сыном своей матери – родины». Запомню и передам их своему сыну! *(кладёт журавлика к ногам погибшего Енакиева)*

Звучит песня «Журавли» Участники спектакля выстраиваются в форме клина. В поднятых руках всех действующих лиц - бумажные журавлики. Все уходят, изображая летящий клин журавлей. Песня наполняет зал.

Выключается свет

Сцена 7

1 девочка: Да! Эта война была самая кровавая в истории человечества...

2 девочка: Миллионы людей погибли...

1 мальчик: Самое важное на войне – остаться человеком. И эта нравственная победа русских оказалась самой великой нашей победой в эту страшную войну.

2 мальчик: Ну что? Скажешь все обо всем забыли? Скажешь никто не помнит? Скажешь – ерунда эта война?! Да у меня до сих пор поджилки трясутся...

3 мальчик: Да, ребята! Простите меня! Я был не прав... И мне сейчас так стыдно!

1 мальчик: То-то же!!!!

1 девочка: Ну перестань! Смотрите, лучше, что я с собой из своей истории прихватила!

1 мальчик: «Завещание потомку»! Интересно!

3 мальчик: Можно я прочту?

1 мальчик: Да, читай, конечно!

3 мальчик (читает):

Завещание потомку.

1. Отдавай все силы служению людям это и есть мудрость.
2. Живи так, чтобы страх смерти никогда не смущал твоё сердце. Никому не мешай верить в то, во что они верят, уважай других и их взгляды и требуй такого же уважения к себе.
3. Люби жизнь, делай её лучше, украшай всё вокруг себя. Стремись жить долго на благо своего народа, а когда придет твой час – умри достойно. Пой свою смерть и, погибнув героем, вернись домой. (тот, кто умер)
4. Счастье в самопожертвовании, в помощи другим. Делай добро, помогай другим и у тебя не останется времени на грустные мысли, а жизнь твоя обретёт смысл.
5. Прощай, ибо прощая, человек чувствует облегчение. Ненависть, злоба, жажда мести не приносят ничего, кроме тяжести.
6. У беды есть свой срок существования, а потому, когда тебя постигнет беда, радуйся каждому прожитому дню, ибо он сокращает жизнь этой беды и неуклонно ведёт к её концу.
7. «Человек без родины, что соловей без песни». Своей песней соловей зажигает сердца, пробуждает любовь, заставляет плакать, он наполняет

мир несказанной красотой. И как соловей – песней, лишь Родиной
силён, одухотворён, добр и красив человек. Берегите свою Родину!
Прославляйте и защищайте её!!!

Все дети (вместе): КЛЯНЕМСЯ!